

Константин Победоносцев

## Великая ложь нашего времени

### I

Что основано на лжи, не может быть право. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное, как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и поколений.

Одно из самых лживых политических начал есть начало **народовластия**, та, к сожалению, утвердившаяся со времени французской революции идея, что всякая власть исходит от народа и имеет основание в воле народной.

Отсюда истекает теория парламентаризма, которая, до сих пор, вводит в заблуждение массу, так называемой, интеллигенции и проникла, к несчастью, в русские безумные головы.

Она продолжает ещё держаться в умах с упорством узкого фанатизма, хотя ложь её, с каждым днём, изобличается всё явственнее перед целым миром.

В чём состоит теория парламентаризма?

Предполагается, что весь народ в народных собраниях творит себе законы, избирает должностные лица, стало быть, изъявляет непосредственно свою волю и проводит её в действие.

Это — идеальное представление.

Прямое осуществление его невозможно: историческое развитие общества приводит к тому, что местные союзы умножаются и усложняются, отдельные племена сливаются в целый народ или группируются в разноразличные под одним государственным знаменем, наконец, разрастается без конца государственная территория: непосредственное народоправление, при таких условиях, немислимо.

Итак, народ должен переносить своё право властительства на некоторое число выборных людей и облекать их правительственной автономией.

Эти выборные люди, в свою очередь, не могут править непосредственно, но принуждены выбирать ещё меньшее число доверенных лиц — министров, коим предоставляется изготовление и применение законов, раскладка и собиранье податей, назначение подчинённых должностных лиц, распоряжение военною силою.

Механизм, в идее своей, стройный; но, для того, чтобы он действовал, необходимы некоторые существенные условия.

Машинное производство имеет в основании своём расчёт на непрерывно действующие и совершенно равные, следовательно, безличные силы.

И этот механизм мог бы успешно действовать, когда бы доверенные от народа лица устранились во все от своей личности: когда бы на парламентских скамьях сидели механические исполнители данного им наказа; когда бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства; когда бы, притом, представителями народа избираемы были всегда лица, способные уразуметь в точности и исполнять добросовестно данную им и математически точно выраженную программу действий.

Вот при таких условиях, действительно машина работала бы исправно и достигла бы цели.

Закон действительно выдержал бы волю народа; управление действительно исходило бы от парламента; опорная точка государственного здания лежала бы действительно в собраниях избирателей, и каждый гражданин, явно и сознательно, участвовал бы в правлении общественными делами.

Такова теория. Но, посмотрим на практику.

В самых классических странах парламентаризма она не удовлетворяет ни одному из вышепоказанных условий.

Выборы никоим образом не выражают волю избирателей.

Представители народные не стесняются взглядами и мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчётом, соображаемым с тактикою противной партии.

Министры, в действительности, самовластны; и скорее, они насилуют парламент, нежели парламент их насилует.

Они вступают во власть и оставляют власть не в силу воли народной, но потому, что их ставит к власти или устраняет от неё могущественное личное влияние или влияние сильной партии.

Они располагают всеми силами и достоинствами нации по своему усмотрению, раздают льготы и милости, содержат множество праздных людей на счёт народа, и притом, не боятся никакого порицания, если располагают большинством в парламенте, а большинство поддерживают раздачей всякой благодости и обильной трапезы, которую государство отдало им в распоряжение.

В действительности министры — столь же безответственны, как и народные представители.

Ошибки, злоупотребления, произвольные действия — ежедневное явление в министерском управлении, а часто ли слышим мы о серьёзной ответственности министра?

Разве, может быть, раз в пятьдесят лет, приходится слышать, что над министром суд, и всего чаще результат суда выходит ничтожный, сравнительно с шумом торжественного производства.

Если бы потребовалось истинное определение парламента, надлежало бы сказать, что **парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия, и личных интересов представителей.**

Учреждение это служит не последним доказательством самообольщения ума человеческого.

Испытывая, в течение веков, гнёт самовластия в единоличном и олигархическом правлении и не замечая, что пороки единовластия суть пороки самого общества, которое живёт под ним, люди разума и науки возложили всю вину бедствия на своих властителей и на форму правления, и представили себе, что с переменою этой формы на форму народовластия или представительного правления, общество избавится от своих бедствий и от терпимого насилия.

Что же вышло в результате?

Вышло то, что *mutato nomine* всё осталось, в сущности, по-прежнему, и люди, оставаясь при слабостях и пороках своей природы, перенесли на новую форму все прежние свои привычки и пороки.

Как прежде, правит ими личная воля и интерес привилегированных лиц; только эта личная воля осуществляется уже не в лице монарха, а в лице предводителя партии, и привилегированное положение принадлежит не родовым аристократам, а господствующему в парламенте и правлении большинству.

На фронте этого здания красуется надпись: «Все — для общественного блага».

Но это — ни что иное, как самая лживая формула; **парламентаризм есть торжество эгоизма**, высшее его выражение. Всё здесь рассчитано на служение своему я.

По смыслу парламентской фракции, представитель отказывается в своём звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей; а в действительности, *избиратели, в самом акте избрания, отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя.*

Перед выборами кандидат, в своей программе и в речах своих, ссылается постоянно на вышеупомянутую фикцию: он твердит всё о благе общественном, он — ни что иное, как слуга и печальник народа, он о себе не думает и забудет себя и свои интересы, ради интереса общественного.

И всё это — слова, слова, одни слова, временные ступеньки лестницы, которые он строит, чтобы взойти куда нужно и потом сбросить ненужные ступени. Тут уже не он станет работать на общество, а общество станет орудием для его целей.

Избиратели являются для него **стадом для сбора голосов**, и владельцы этих стад подлинно уподобляются богатым кочевникам, для коих стадо составляет капитал, основание могущества и знатности в обществе.

Так развивается, совершенствуясь, целое искусство играть инстинктами и страстями массы для того, чтобы достигнуть личных целей честолюбия и власти.

Затем уже эта масса теряет всякое значение для выбранного ею представителя до тех пор, пока понадобится снова на неё действовать: тогда пускаются в ход снова льстивые и лживые фразы, одним в угоду, в угрозу другим; длинная, нескончаемая цепь однородных манёвров, образующая механику парламентаризма.

И такая-то комедия выборов продолжает до сих пор обманывать человечество и считаться учреждением, венчающим государственное здание...

**Жалкое человечество!** Поистине можно сказать: *mundis vult decipi decipiatur.*

Вот, как практикуется выборное начало. Честолюбивый искатель сам выступает перед согражданами и старается всячески уверить их, что он, более чем всякий иной, достоин их доверия.

Из каких побуждений выступает он на это искательство?

Трудно поверить, что из бескорыстного усердия к общественному благу.

Вообще, в наше время, редки люди, проникнутые чувством солидарности с народом, готовые на труд и самопожертвование для общего блага: это — природы идеальные; а такие природы не склонны к соприкосновению с пошлостью житейского быта.

Кто по натуре своей способен к бескорыстному служению общественной пользе в сознании долга, тот не пойдёт заискивать голоса, не станет воспевать хвалу себе на собраниях, нанизывая громкие и пошлые фразы.

Такой человек раскрывает себя и силы в рабочем углу своём или в тесном кругу единомышленных людей, но не пойдёт искать популярности на шумном рынке.

Такие люди, если идут в толпу людскую, то не затем, чтобы льстить ей и подлаживаться под пошлые её влечения и инстинкты, а разве затем, чтобы обличать пороки людского быта и ложь людских обычаев.

Лучшим людям, **людям долга и чести противна выборная процедура**: от неё не отвращаются лишь своекорыстные, эгоистичные природы, желающие достигнуть личных своих целей.

Такому человеку не стоит труда надеть на себя маску стремления к общественному благу, лишь бы приобрести популярность. Он не может и не должен быть скромен, ибо, при скромности, его не заметят, не станут говорить о нём.

Своим положением и тою ролью, которую берёт на себя, он вынуждается лицемерить и лгать: с людьми, которые противны ему, он поневоле должен сходитьсь, брататься, любезничать, чтобы приобрести их расположение, должен раздавать обещания, зная, что потом не выполнит их, должен подлаживаться под самые пошлые наклонности и предрассудки массы, для того, чтоб иметь большинство за себя.

Какая честная натура решится принять на себя такую роль?

Изобразите её в романе: читателю противно станет; но тот же читатель отдаст свой голос на выборах живому артисту в той же самой роли.

Выборы — дело искусства, имеющего, подобно военному искусству, свою стратегию и тактику.

Кандидат не состоит в прямом отношении к своим избирателям. Между ним и избирателями посредствует комитет, самочинное учреждение, коего главною силою служит нахальство.

Искатель представительства, если не имеет ещё, сам по себе, известного имени, начинает с того, что подбирает себе кружок приятелей и споспешников; затем, все вместе, производят около себя ловлю, то есть, приискивают в местной аристократии богатых и не крепких разумом обывателей, и успевают уверить их, что это их дело, их право и преимущество стать во главе, руководителями общественного мнения.

Всегда находится достаточно глупых или наивных людей, поддающихся на эту удочку, и вот, за подписью их, появляется в газетах и наклеивается на столбах объявление, привлекающее массу, всегда падкую на следование за именами, титулами и капиталами.

Вот, каким путём образуется комитет, руководящий и овладевающий выборами — эта, своего рода, компания на акциях, вызванная к жизни учредителями.

Состав комитета подбирается с обдуманном искусством: в нём одни служат действующею силою — люди энергические, преследующие, во что бы ни стало, материальную или тенденциозную цель; другие — наивные и легкомысленные статисты — составляют балласт.

Организуются собрания, произносятся речи: здесь тот, кто обладает крепким голосом и умеет быстро и ловко нанизывать фразы, производит всегда впечатление на массу, получает одобрение, награждается кандидатом для будущих выборов, или, при благоприятных условиях, сам выступает кандидатом, сталкивая того, за кого пришёл вначале работать языком своим.

Фраза и, ни что иное, как фраза, господствует в этих собраниях.

Толпа слушает лишь того, кто громче кричит и искуснее подделывается пошлостью и лестью под ходячие в массе понятия и наклонности.

В день окончательного выбора лишь немногие подают голоса свои сознательно: это — отдельные влиятельные избиратели, коих стоило уговаривать по одиночке.

Большинство, т.е. масса избирателей, даёт свой голос стадным обычаем, за одного из кандидатов, выставленных комитетом.

На билетах пишется то имя, которое всего громче натвержено и звенело в ушах у всех в последнее время.

Никто почти не знает человека, не даёт себе отчёта ни о характере его, ни о способностях, ни о направлении: выбирают потому, что много слышаны об его имени.

Напрасно было бы вступать в борьбу с этим стадным порывом.

Положим, какой-нибудь добросовестный избиратель пожелал бы действовать сознательно в таком важном деле, не захотел бы подчиниться насильственному давлению комитета.

Ему остаётся или уклониться вовсе в день выбора, или подать голос за своего кандидата по своему разумению.

Как бы ни поступил он, всё-таки, выбран будет тот, кого провозгласила масса легкомысленных, равнодушных или уговорённых избирателей.

По теории, избранный должен быть излюбленным человеком большинства, а **на самом деле, избирается излюбленный меньшинства**, иногда очень скудного, только это меньшинство представляет организованную силу, тогда, как большинство, как песок, — ничем не связано, и потому, бессильно перед кружком или партией.

Выбор должен бы падать на разумного и способного, а в действительности, падает на того, кто нахальнее суётся вперёд.

Казалось бы, для кандидата существенно требуется образование, опытность, добросовестность в работе: а в действительности, все эти качества могут быть и не быть: они не требуются в избирательной борьбе, тут важнее всего — смелость, самоуверенность в соединении с ораторством и даже с некоторою пошлостью, нередко действующею на массу.

Скромность, соединённая с тонкостью чувства и мысли, для этого никуда не годится.

Так нарождается народный представитель, так приобретает его полномочие.

Как он употребляет его, как им пользуется?

Если натура у него энергическая, он захочет действовать и принимается образовывать партию; если он заурядной натуры, то сам примыкает к той или другой партии.

Для предводителя партии требуется, прежде всего, сильная воля. Это свойство — органическое, подобно физической силе, и потому не предполагает непременно нравственные качества.

При крайней ограниченности ума, безграничном развитии эгоизма и самой злобы, при низости и бесчестности побуждений, человек с сильною волей может стать предводителем партии и становится тогда руководящим, господственным главою кружка или собрания, хотя бы к нему принадлежали люди, далеко превосходящие его умственными и нравственными качествами.

Вот, какова, по свойству своему, бывает руководящая сила в парламенте.

К ней присоединяется ещё другая решительная сила — красноречие. Это — тоже натуральная способность, не предполагающая ни нравственного характера, ни высокого духовного развития.

Можно быть глубоким мыслителем, поэтом, искусным полководцем, тонким юристом, опытным законодателем, и, в то же время, быть лишённым действенного слова; можно, при самых заурядных умственных способностях и знаниях, обладать особливим даром красноречия.

Соединение этого дара с полнотою духовных сил есть редкое и исключительное явление в парламентской жизни.

Самые блестящие импровизации, прославившие ораторов и соединённые с важными решениями, кажутся бледными и жалкими в чтении, подобно описанию сцен, разыгранных в прежнее время знаменитыми актёрами и певцами.

Опыт свидетельствует непрерываемо, что *в больших собраниях решительное действие принадлежит не разумному, но бойкому и блестящему слову*, что всего действительнее на массу — не ясные, стройные аргументы, глубоко коренящиеся в существе дела, но громкие слова и фразы, искусно подобранные, усиленно натверженные и рассчитанные на инстинкты гладкой пошлости, всегда таящиеся в массе.

Масса легко увлекается пустым вдохновением декламации и, под влиянием порыва, часто бессознательного, способна приходить к внезапным решениям, о коих приходится сожалеть при хладнокровном обсуждении дела.

Итак, когда предводитель партии с сильною волей соединяет ещё и дар красноречия, он выступает в своей первой роли на открытую сцену перед целым светом.

Если же у него нет этого дара, он стоит, подобно режиссёру, за кулисами и направляет оттуда весь ход парламентского представления, распределяя роли, выпуская ораторов, которые говорят за него, употребляя в дело, по усмотрению, более тонкие, но нерешительные умы своей партии: они за него думают.

Что такое парламентская партия?

По теории, это — союз людей одинаково мыслящих и соединяющих свои силы для совокупного осуществления своих воззрений в законодательстве и в направлении государственной жизни.

Но таковы бывают разве только мелкие кружки: большая, значительная в парламенте партия образуется лишь под влиянием личного честолюбия, группируясь около одного господствующего лица.

Люди, по природе, делятся на две категории: одни не терпят над собою никакой власти, и потому необходимо стремятся господствовать сами; другие, по характеру своему, страшась нести на себе ответственность, соединённую со всяким решительным действием, уклоняются от всякого решительного акта воли: последние, как бы, рождены для подчинения и составляют из себя стадо, следующее за людьми воли и решения, составляющими меньшинство.

Таким образом, люди самые талантливые подчиняются охотно, с радостью складывая в чужие руки направление своих действий и нравственную ответственность.

Они, как бы, инстинктивно «ищут вождя» и становятся послушными его орудиями, сохраняя уверенность, что он ведёт их к победе и, нередко, к добыче.

Итак, все существенные действия парламентаризма отправляются вождями партий: они ставят решения, они ведут борьбу и празднуют победу.

Публичные заседания суть ни что иное, как представление для публики.

Произносятся речи для того, чтобы поддержать фикцию парламентаризма: редкая речь вызывает, сама по себе, парламентское решение в важном деле.

Речи служат к прославлению ораторов, к возвышению популярности к составлению карьеры, но в редких случаях решают подбор голосов.

Каково должно быть большинство, это решается, обыкновенно, вне заседания.

Таков сложный механизм парламентского лицедейства, таков образ великой политической лжи, господствующей в наше время.

По теории парламентаризма, должно господствовать разумное большинство; на практике — господствуют пять-шесть предводителей партии; они, сменяясь, овладевают властью.

По теории, убеждение утверждается ясными доводами во время парламентских дебатов; на практике — оно не зависит нисколько от дебатов, но направляется волею предводителей и соображениями личного интереса.

По теории, народные представители имеют в виду единственно народное благо; на практике — они, под предлогом народного блага, и на счёт его, имеют в виду преимущественно личное благо своё и друзей своих.

По теории, они должны быть из лучших, излюбленных граждан; на практике — это наиболее честолюбивые и нахальные граждане.

По теории, избиратель подаёт голос за своего кандидата потому, что знает его и доверяет ему; на практике — избиратель даёт голос за человека, которого, по большей части, совсем не знает, но о котором натвержено ему речами и криками заинтересованной партии.

По теории, делами в парламенте управляют и двигают опытный разум и бескорыстное чувство; на практике — главные движущие силы здесь — решительная воля, эгоизм и красноречие.

Вот, каково, в сущности, это учреждение, выставляемое целью и венцом государственного устройства.

Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессора наши ещё проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении, как об идеале государственного учреждения; что наши газеты и журналы твердят о нём в передовых статьях и фельетонах, под знаменем правового порядка, твердят, не давая себе труда взглянуться ближе, без предубеждения, в действие парламентской машины.

Но уже и там, где она издавна действует, ослабевает вера в неё; ещё славит её либеральная пропаганда, но народ стонет под гнётом этой машины и распознаёт скрытую в ней ложь.

Едва ли дождёмся мы, но дети наши и внуки, несомненно, дождутся свержения этого идола, которому современный разум продолжает ещё в самообольщении поклоняться...

## II

Много зла наделали человечеству философы школы Ж.-Ж.Руссо.

Философия эта завладела умами, а между тем, вся она построена на одном ложном представлении о совершенстве человеческой природы и о полнейшей способности всех и каждого уразуметь и осуществить те начала общественного устройства, которые эта философия проповедовала.

На том же ложном основании стоит и господствующее ныне учение о совершенствах демократии и демократического правления.

Эти совершенства предполагают совершенную способность массы уразуметь тонкие черты политического учения, явственно и раздельно присущие сознанию его проповедников.

Эта ясность сознания доступна лишь немногим умам, составляющим аристократию интеллигенции; а масса, как всегда и повсюду, состояла и состоит из толпы «vulgus», и её представления, по необходимости, будут «вульгарные».

Демократическая форма правления — самая сложная и самая затруднительная из всех известных в истории человечества.

Вот причина, почему эта форма повсюду была преходящим явлением и, за немногими исключениями, нигде не держалась долго, уступая место другим формам.

И не удивительно. Государственная власть призвана действовать и распоряжаться; действия её суть проявления единой воли, без этого немислимо никакое правительство.

Но, в каком смысле множество людей или собрание народов может проявлять единую волю?

Демократическая фразеология не останавливается на решении этого вопроса, отвечая на него известными фразами и поговорками вроде таких, например:

«**воля народная**»,

«**общественное мнение**»,

«**верховное решение нации**»,

«**глас народа — глас Божий**» и т.п.

Все эти фразы, конечно, должны означать, что великое множество людей, по великому множеству вопросов, может прийти к одинаковому заключению и постановить, сообразно с ним, одинаковое решение.

Пожалуй, это и бывает возможно, но, лишь по самым простым вопросам.

Но, когда с вопросом соединено хотя малейшее усложнение, решение его в многочисленном собрании возможно, лишь при посредстве людей, способных обсудить его во всей сложности, и затем убедить массу к принятию решения.

К числу самых сложных принадлежат, например, политические вопросы, требующие крайнего напряжения умственных сил у самых способных и опытных мужей государственных: в таких вопросах, очевидно, нет ни малейшей возможности рассчитывать на объединение мысли и воли в многолюдном народ-

ном собрании: решения массы в таких вопросах могут быть только гибельные для государства.

Энтузиасты демократии уверяют себя, что народ может проявлять свою волю в делах государственных: **это — пустая теория.**

На деле же, мы видим, что народное собрание способно только принимать, по увлечению, мнение, выраженное одним человеком или некоторым числом людей; например, мнение известного предводителя партии, известного местного деятеля, или организованной ассоциации, или, наконец, безразличное мнение того или другого влиятельного органа печати.

Таким образом, процедура решения превращается в игру, совершающуюся на громадной арене множества голов и голосов; чем их более принимается в счёт, тем более эта игра запутывается, тем более зависит от случайных и беспорядочных побуждений.

К избежанию и обходу всех этих затруднений изобретено средство — править посредством представительства, средство, организованное, прежде сего и оправдавшее себя успехом в Англии.

Отсюда, по установившейся моде, перешло оно и в другие страны Европы, но привилось с успехом, по прямому преданию и праву, лишь в Американских Соединённых Штатах.

Однако и на родине своей, в Англии, представительные учреждения вступают в критическую эпоху своей истории.

Самая сущность идеи этого представительства подверглась уже здесь изменению, извращающему первоначальное его значение.

Дело в том, что, с самого начала, собрание избирателей, тесно ограниченное, присылало от себя в парламент известное число лиц, долженствовавших представлять мнение страны в собрании, но не связанных никакою определенной инструкцией от массы своих избирателей.

Предполагалось, что избранные люди, разумеющие истинные нужды страны своей и способные дать верное направление государственной политике.

Задача разрешалась просто и ясно: требовалось уменьшить до возможного предела трудность народного правления, ограничив малым числом способных людей собрание, призванное к решению государственных вопросов.

Люди эти являлись, в качестве свободных представителей народа, а не того или другого мнения, той или другой партии, не связанные никакою инструкцией.

Но, с течением времени, мало-помалу, эта система изменилась под влиянием того же рокового пред-рассудка о великом значении общественного мнения, просвещаемого, будто бы, периодическою печатью и дающего массе народной способность иметь прямое участие в решении политических вопросов.

Понятие о представительстве совершенно изменило свой вид, превратившись в понятие о мандате, или определённом поручении.

В этом смысле, каждый избранный в той или другой местности почитается уже представителем мнения, в той местности господствующего, или партии, под знаменем этого мнения одержавшей победу на выборах, это уже не представитель от страны или народа, но делегат, связанный инструкцией от своей партии.

Это изменение в самом существе идеи представительства послужило началом язвы, разъедающей все системы представительного правления.

Выборы, с раздроблением партий, приняли характер личной борьбы местных интересов и мнений, отрешённой от основной идеи о пользе государственной.

При крайнем умножении числа членов собрания, большинство их, помимо *hmgreq`* борьбы и партии, заражается равнодушием к общественному делу и теряет привычку присутствовать во всех заседаниях и участвовать непосредственно в обсуждении всех дел.

Таким образом, дело законодательства и общего направления политики, самое важное для государства, превращается в игру, состоящую из условных формальностей, сделок и фикций.

Система представительства сама себя оболживила на деле.

Эти плачевные результаты всего явственнее обнаруживаются там, где население государственной территории не имеет цельного состава, но заключает в себе разнородные национальности.

Национальность в наше время можно назвать пробным камнем, на котором обнаруживается лживость и непрактичность парламентского правления.

Примечательно, что начало национальности выступило вперёд и стало движущей и раздражающей силой в ходе событий именно с того времени, как пришло в соприкосновение с новейшими формами демократии.

Довольно трудно определить существо этой новой силы и тех целей, к каким она стремится; но несомненно, что в ней — источник великой и сложной борьбы, которая предстоит ещё в истории человечества, и неведомо к какому приведет исходу.

Мы видим теперь, что каждым отдельным племенем, принадлежащим к составу разноплеменного государства, овладевает страстное чувство нетерпимости к государственному учреждению, соединяющему его в общий строй с другими племенами, и желание иметь своё самостоятельное управление со своею, не-

редко мнимою, культурой.

И это происходит не с теми только племенами, которые имели свою историю и, в прошедшем своём, отдельную политическую жизнь и культуру, но и с теми, которые никогда не жили особою политическою жизнью.

Монархия неограниченная успевала устранять или примирять все подобные требования и порывы, и не одною только силой, но и уравнением прав и отношений под одною властью.

Но демократия не может с ними справиться, и инстинкты национализма служат для неё разъедающим элементом: каждое племя из своей местности высылает представителей не государственной и народной идеи, но представителей племенных инстинктов, племенного раздражения, племенной ненависти и к господствующему племени, и к другим племенам, и к связующему все части государства учреждению.

Какой нестройный вид получает в подобном составе народное представительство и парламентское правление очевидным тому примером служит, в наши дни, австрийский парламент.

Провидение сохранило нашу Россию от подобного бедствия, при её разноплеменном составе.

Страшно и подумать, что возникло бы у нас, когда бы судьба послала нам **роковой дар всероссийского парламента!** Да не будет.

### III

Указывают на Англию, но к этим указаниям можно бы, кажется, применить пословицу: «слышали звон, да не знают, где он».

Социальная наука, в последнее время, обучилась вскрывать исторические и экономические ключи, откуда истекают особливые учреждения англосаксонской и отчасти скандинавской расы, сравнительно с учреждениями остальных европейских народов.

Англосаксонское племя, с тех пор, как заявило себя в истории, и доньне отличается крепким развитием самостоятельной личности: и в сфере политической, и в экономической этому свойству англосаксонское племя обязано и устойчивостью древних своих учреждений, и крепкой организацией семейного быта и местного самоуправления, и теми несравненными успехами, коих оно достигло своею энергическою деятельностью и влиянием своим в обоих полушариях.

Этой энергией личности успело оно, в начале своей истории, осилить чуждые норманские обычаи своих победителей и утвердить быт свой на своих началах, которые сохраняются и доньне.

Существенное отличие этого быта состоит в отношении каждого гражданина к государству.

Каждый привыкает с юности сам собою держаться, сам устраивать судьбу свою и добывать себе хлеб насущный.

Родители не обременены заботой об устройстве судьбы детей своих и об оставлении им наследства.

Землевладельцы держатся своих имений и сами стремятся вести на них хозяйство и промыслы.

Местное управление держится личным, сознательным по долгу, участием местных обывателей в общественном деле.

Учреждения административные обходятся без полчища чиновников, состоящих на содержании у государства и чающих от него обеспечения и возвышения.

Вот на каком корне, сами собою, исторически выросли представительные учреждения свободной Англии, и вот, почему её парламент состоит из действительных представителей местных интересов, тесно связанных с землёю: вот, почему и голос их может считаться, в достаточной мере, голосом земли и органом национальных интересов.

Прочие народы Европы образовались и выросли совсем на ином основании, на основании общинного быта.

Свойство его состоит в том, что человек не столько сам собою держится, сколько своею солидарностью с тем или другим общественным союзом, к которому принадлежит.

Отсюда, с ходом общественного и государственного развития, слагается особливая зависимость человека от того или иного семейного или общественного союза, и, в конце концов, от государства.

Эти союзы, быв в начале крепкими учреждениями семейными, политическими, религиозными, общественными, крепко держали человека в его жизни и деятельности, и ими, в свою очередь, держалось всё общественное и государственное устройство.

Но эти союзы, с течением времени, или распались, или утратили своё вековое господственное значение.

Однако, люди продолжают по-прежнему искать себе опоры и устройства судьбы своей и благосостояния в семье своей, в своей корпорации и, наконец, в государственной власти (всё равно, монархической или республиканской), возлагая на неё же вину своих бедствий, когда этой опоры, по желанию своему, не находят.

Словом сказать, человек стремится к одной из этих опор пристроить себя и судьбу свою.

Отсюда, в таком состоянии общества, оскудение людей самостоятельных и независимых, людей, ко-

торые сами держатся на ногах своих и знают, куда идут, составляя в государстве силу, служащую ему опорой.

И, напротив того, крайнее умножение людей, которые ищут себе опоры в государстве, питаются его соками, и не столько дают ему силы, сколько от него требуют.

Отсюда — крайнее развитие в таких обществах, с одной стороны, чиновничества, с другой, так называемых, **либеральных профессий**.

Отсюда, при ослаблении в нравах самодеятельности, крайнее усложнение отправлений государственной и законодательной власти, принимающей на себя заботу о многом, о чём каждый для себя должен бы заботиться.

В таком состоянии общество, мало-помалу, подготавливает у себя благоприятную почву для развития социализма, и привычка возлагать на государство заботу о благосостоянии всех и каждого обращается, наконец, в **безумную теорию социализма государственного**.

В таких-то условиях своего социального развития все континентальные государства, с англосаксонского образца, учредили у себя представительное правление, иные — ещё при всеобщей подаче голосов.

Очевидно, что при описанном составе общества и при лёгком отношении его к общественному делу, оно не может выделить из себя истинных, верных представителей земли и прямых её интересов.

Отсюда печальная судьба таких представительных собраний и тяжкое, безысходное положение власти правительственной, которая неразрывно с ними связана, и народа, судьбы коего от них зависят.

Что же сказать о народах славянского племени, отличающихся особливим у себя развитием общинного быта, при крайней юности своей культуры, о Румынии и о несчастной Греции?

Сюда, поистине, представительные учреждения внесли сразу разлагающее начало народной жизни, представляя из себя, в иных случаях, жалкую карикатуру запада, напоминающую басню Крылова «Мартышка и очки».

#### IV

Величайшее зло конституционного порядка состоит в образовании министерства на парламентских или партийных началах.

Каждая политическая партия одержима стремлением захватить в свои руки правительственную власть и к ней пробирается.

Глава государства уступает политической партии, составляющей большинство в парламенте; в таком случае министерство образуется из членов этой партии и, ради удержания власти, начинает борьбу с оппозицией, которая усиливается низвергнуть его и вступить на его место.

Но, если глава государства склоняется не к большинству, а к меньшинству, и из него избирает своё министерство, в таком случае, новое правительство распускает парламент и употребляет все усилия к тому, чтобы составить себе большинство при новых выборах и, с помощью его, вести борьбу с оппозицией.

Сторонники министерской партии подают голос всегда за правительство; им приходится, во всяком случае, идти за него, не ради поддержания власти, не из-за внутреннего согласия в мнениях, а из-за того, что это правительство само держит членов своей партии во власти и во всех сопряжённых со властью преимуществ, выгодах и прибылях.

Вообще, существенный мотив каждой партии — стоять за своих, во что бы то ни стало, или из-за взаимного интереса, или просто, в силу того стадного инстинкта, который побуждает людей разделяться на дружины и лезть в бой стена на стену.

Очевидно, что согласие в мнениях имеет, в этом случае, очень слабое значение, а забота об общественном благе служит прикрытием вовсе чуждых ему побуждений и инстинктов.

И это называется идеалом парламентского правления.

Люди обманывают себя, думая, что оно служит обеспечением свободы.

Вместо неограниченной власти монарха, мы получаем **неограниченную власть парламента**, с тою разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли; а в парламенте нет его, ибо здесь всё зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством.

Но, как скоро при большинстве, составляемом под влиянием игры в партию, есть меньшинство, воля большинства не есть уже воля целого парламента: тем ещё менее можно признать её волею народа, здоровая масса коего не принимает никакого участия в игре партий и даже уклоняется от неё.

Напротив того, именно нездоровая часть населения мало-помалу вводится в эту игру и ею развращается; ибо главный мотив этой игры есть стремление к власти и к наживе.

**Политическая свобода становится фикцией**, поддерживаемую на бумаге, параграфами и фразами конституции; начало монархической власти совсем пропадает; торжествует либеральная демократия, водворяя беспорядок и насилие в обществе, вместе с началами безверия и материализма, провозглашая свободу, равенство и братство там, где нет уже места ни свободе, ни равенству.

Такое состояние ведёт неотразимо к анархии, от которой общество спасается одною лишь диктату-



рой, т.е. восстановлением единой воли и единой власти в правлении.

Первый образец народного, представительного правления явила новейшей Европе Англия.

С половины прошлого столетия французские философы стали прославлять английские учреждения и выставлять их примером для всеобщего подражания.

Но, в ту пору, не столько политическая свобода привлекала французские умы, сколько привлекали начала религиозной терпимости, или, лучше сказать, начала безверия, бывшие тогда в моде в Англии и пущенные в обращение английскими философами того времени.

Вслед за Францией, которая давала тон и нравам, и литературе во всей западной интеллигенции, мода на английские учреждения распространилась по всему Европейскому матерiku.

Между тем, произошли два великих события, из коих одно утверждало веру, а другое — чуть было совсем не поколебало её.

Возникла республика Американских Соединённых Штатов, и её учреждения, скопированные с метрополии (кроме королевской власти и аристократии), принялись на новой почве прочно и плодотворно.

Это произвело восторг в умах и, прежде всего, во Франции.

С другой стороны, явилась Французская республика, и скоро явила миру все гнусности, беспорядки и насилия революционного правительства.

Повсюду произошёл взрыв негодования и отвращения против французских и, стало быть, вообще против демократических учреждений.

**Ненависть к революции** отразилась даже на внутренней политике самого британского правительства.

Чувство это начало ослабевать к 1815 году, под влиянием политических событий того времени, в умах проснулось желание со свежою надеждой соединить политическую свободу с гражданским порядком в формах, подходящих к английской конституции: вошла в моду опять политическая англomanия.

Затем последовал ряд попыток осуществить британский идеал, сначала во Франции, потом в Испании и Португалии, потом в Голландии и Бельгии, наконец, в последнее время, в Германии, в Италии и в Австрии.

Слабый отголосок этого движения отразился и у нас в 1825 году, в безумной попытке аристократов-мечтателей, не знавших ни своего народа, ни своей истории.

Любопытно проследить историю новых демократических учреждений: долговечны ли оказались они, каждое на своей почве, в сравнении с монархическими учреждениями, коих продолжение история считает рядом столетий.

Во Франции, со времени введения политической свободы, правительство во всей силе государственной своей власти было три раза ниспровергнуто парижскою уличною толпою в 1792 г., в 1830 и в 1848 году.

Три раза было ниспровергнуто армией, или военной силой: в 1797 году 4 сентября (18 фруктидора), когда большинством членов директории, при содействии военной силы, были уничтожены выборы, состоявшиеся в 48 департаментах, и отправлены в ссылку 56 членов законодательных собраний.

В другой раз, в 1797 году 9 ноября (18 брюмера) правительство ниспровергнуто Бонапартом, и наконец в 1851 г. 2 декабря другим Бонапартом, младшим.

Три раза правительство было ниспровергнуто внешним нашествием неприятеля: в 1814, в 1815 и в 1870. В общем счёте, с начала своих политических экспериментов по 1870 год, Франция имела 44 года свободы и 37 годов сурового диктаторства.

Притом ещё стоит приметить странное явление: монархи старшей Бурбонской линии, оставляя много места действию политической свободы, никогда не опирались на чистом начале новейшей демократии; напротив того, оба Наполеона, провозгласив безусловно эти начала, управляли Францией деспотически.

В Испании народное правление провозглашено было в эпоху окончательного падения Наполеона.

Чрезвычайное собрание кортесов утвердило в Кадиксе конституцию, провозгласив в первой статье оной, что верховенство власти принадлежит нации.

Фердинанд VII, вступив в Испанию через Францию, отменил эту конституцию и стал править самовластно.

Через 6 лет генерал Риего во главе военного восстания принудил короля восстановить республику.

В 1823 году французская армия, под внушением Священного союза, вступила в Испанию и восстановила Фердинанда в самовластии.

Вдова его, в качестве регентши, для охранения прав дочери своей Изабеллы против Дон-Карлоса, вновь приняла конституцию.

Затем начинается для Испании последовательный ряд мятежей и восстаний, изредка прерываемых краткими промежутками относительного спокойствия.

Достаточно указать, что с 1816 года, до вступления на престол Альфонса, было в Испании до 40 серьёзных военных восстаний с участием народной толпы.

Говоря об Испании, нельзя не упомянуть о том чудовищном и поучительном зрелище, которое представляют многочисленные республики Южной Америки, республики испанского происхождения и испанских нравов.

Вся их история представляет непрестанную смену ожесточённой резни между народною толпою и войсками, прерываемую правлением деспотов, напоминающих Коммода или Калигулу.

Довольно привести в пример хотя Боливию, где из числа 14 президентов республики тринадцать кончили свое правление насильственной смертью или ссылкой.

Начало народного, или представительного правления в Германии и в Австрии — не ранее 1848 года.

Правда, начиная с 1815 года, поднимается глухой ропот молодой интеллигенции на германских владетельных князей за неисполнение обещаний, данных народу в эпоху великой войны за освобождение.

За немногими мелкими исключениями, в Германии не было представительных учреждений до 1847 года, когда прусский король учредил у себя особенную форму конституционного правления; однако оно не простояло и одного года.

Но стоило только напору парижской уличной толпы сломить французскую хартию и низложить конституционного короля, как поднялось и в Германии уличное движение, с участием войск.

В Берлине, в Вене, во Франкфурте устроились национальные собрания, по французскому шаблону. Едва прошёл год, как правительство разогнало их военной силой.

Новейшие германские и австрийские конституции все исходят от монархической власти и ещё ждут суда своего от истории.

## Печать

### I

С тех пор, как пало человечество, ложь водворилась в мире, в словах людских, в делах, в отношениях и учреждениях.

Но никогда ещё, кажется, отец лжи не изобретал такого сплетения лжей всякого рода, как в наше смутное время, когда столько слышится отовсюду лживых речей о правде.

По мере того, как усложняются формы быта общественного, возникают новые лживые отношения и целые учреждения, насквозь пропитанные ложью.

На всяком шагу встречаешь великолепное здание, на фронтоне коего написано: «Здесь истина». Входишь и ничего не видишь, кроме лжи.

Выходишь, и когда пытаешься рассказать о лжи, которою душа возмущалась, люди негодуют и велят верить и проповедовать, что это — истина, вне всякого сомнения.

Так нам велят верить, что голос журналов и газет или, так называемая, пресса, есть выражение общественного мнения...

Увы! Это — великая ложь, и **пресса есть одно из самых лживых учреждений нашего времени.**

Кто станет спорить против силы мнения, которое люди имеют о человеке или учреждении?

Такова уже натура человеческая, что всякий из нас, что ни говорит, что ни делает, оглядывается, как это кажется и что люди думают.

Не было и нет человека, кто бы мог считать себя свободным от действий этой силы.

Эта сила, в наше время, принимает организованный вид и называется общественным мнением. Органом его и представителем считается печать.

И подлинно, значение печати громадное и служит самым характерным признаком нашего времени, более характерным, нежели все изумительные открытия и изобретения в области техники.

Нет правительства, нет закона, нет обычая, которые могли бы противостать разрушительному действию печати в государстве, когда все газетные листы его, изо дня в день, в течение годов, повторяют и распространяют в массе одну и ту же мысль, направленную против того или другого учреждения.

Что же придаёт печати такую силу?

Совсем не интерес новостей, известий и сведений, которыми листки наполняются, но известная тенденция журнала, та политическая или философская мысль, которая выражается в статьях его, в подборе и расположении известий и слухов и в освещении подбираемых фактов и слухов.

Печать ставит себя в положение судящего наблюдателя ежедневных явлений; она обсуждает не только действия и слова людские, но испытует даже невысказанные мысли, намерения и предположения, по произволу клеймит их или восхваляет, возбуждает одних, другим угрожает, одних выставляет на позор, другим ставит предметом восторга и примером подражания.

Во имя общественного мнения, она раздаёт награды одним, другим готовит казнь, подобную средневековому отлучению...

Сам собою возникает вопрос: кто же представители этой страшной власти, именуемой себя общест-

венным мнением?

Кто дал им право и полномочие, во имя целого общества, править, ниспровергать существующие учреждения, выставлять новые идеалы нравственного и положительного закона?

Никто не хочет вдуматься в этот совершенно законный вопрос и дознаться в нём до истины; но все кричат о, так называемой, свободе печати, как о первом и главнейшем основании общественного благоустройства.

Кто не вопиет об этом и у нас, в несчастной, оболганной и оболживленной чужеземною ложью России?

Вопиют в удивительной непоследовательности и, так называемые, славянофилы, мнящие восстановить и водворить историческую правду учреждений в земле Русской.

И они, присоединяясь в этом к хору либералов, совокупленных с поборниками начал революций, говорят совершенно не задумываясь:

«Общественное мнение, то есть, соединённая мысль, с чувством и юридическим сознанием всех и каждого, служит окончательным решением в делах общественного быта; итак, всякое стеснение свободы слова не должно быть допускаемо, ибо в стеснении сего выражается насилие меньшинства над всеобщей волею».

Таково ходячее положение новейшего либерализма. Оно принимается на веру многими, и мало кто, вдумываясь в него, примечает, сколько в нём лжи и легкомысленного самообольщения.

Оно противоречит первым началам логики, ибо основано на вполне ложном предположении, **будто общественное мнение тождественно с печатью.**

Чтоб удостовериться в этой лживости, стоит только представить себе, что такое газета, как она возникает и кто её делает.

Любой уличный проходимец, любой болтун из непризнанных гениев, любой искатель гешефта может, имея свои или достав, для наживы и спекуляции, чужие деньги, основать газету, хотя бы небольшую, собрать около себя, по первому кличу, толпу писак, фельетонистов, готовых разглагольствовать о чём угодно, репортёров, поставляющих безграмотные сплетни и слухи, и штаб у него готов, и он может, с завтрашнего дня, стать в положение власти, судящей всех и каждого, действовать на министров и правителей, на искусство и литературу, на биржу и промышленность.

Это — особый вид учредительства и грюндерства, и притом, самого дешёвого свойства.

Разумеется, новая газета тогда только приобретает силу, когда пошла в ход на рынке, т.е., распространена в публике.

Для этого требуются таланты, требуется содержание привлекательное, сочувственное для читателей.

Казалось бы, тут есть некоторая гарантия нравственной солидарности предприятия: талантливые люди пойдут ли в службу к ничтожному или презренному издателю и редактору?

Читатели станут ли брать такую газету, которая не будет верным отголоском общественного мнения?

Но это — гарантия только мнимая и отвлечённая.

Ежедневный опыт показывает, что тот же рынок привлекает за деньги какие угодно таланты, если они есть на рынке, и таланты пишут, что угодно редактору.

Опыт показывает, что самые ничтожные люди — какой-нибудь бывший ростовщик, жид фактор, газетный разносчик, участник банды «червонных валетов», разорившийся содержатель рулетки — могут основать газету, привлечь талантливых сотрудников и пустить своё издание на рынок, в качестве органа общественного мнения.

Нельзя положиться и на здравый вкус публики.

В массе читателей — большею частью праздных — господствуют, наряду с некоторыми добрыми, жалкие и низкие инстинкты праздного развлечения, и любой издатель может привлечь к себе массу, расчётом на удовлетворение именно таких инстинктов, на охоту к скандалам и пряностям всякого рода.

Мы видим у себя ежедневные тому примеры, и в нашей столице недалеко ходить за ними: стоит только присмотреться к спросу и предложению у газетных разносчиков возле людных мест и на станциях железных дорог.

Всем известен недостаток серьёзности в нашей общественной беседе: в уездном городе, в губернии, в столице — известно, чем она пробавляется — картами и сплетней всякого рода, и анекдотом, во всех возможных его формах.

Самая беседа о, так называемых, вопросах общественных и политических является большею частью в форме пересуда и отрывочной фразы, пересыпаемой тою же сплетней и анекдотом.

Вот почва необыкновенно богатая и благодарная для литературного промышленника, и на ней-то родятся, подобно ядовитым грибам, и эфемерные, и успевшие стать на ноги, органы общественной сплетни, нахально выдающие себя за органы общественного мнения.

Ту же самую гнусную роль, которую посреди праздной жизни какого-нибудь губернского города играют безымянные письма и пасквили, к сожалению, столь распространённые у нас, ту же самую роль иг-

рают в такой газете корреспонденции, присылаемые из разных углов и сочиняемые в редакции.

Не говорим уже о массе слухов и известий, сочиняемых невежественными репортёрами, не говорим уже о гнусном промысле шантажа, орудием коего нередко становится подобная газета.

И она может процветать, может считаться органом общественного мнения и доставлять своему издателю громадную прибыль...

И никакое издание, основанное на твёрдых нравственных началах и рассчитанное на здравые инстинкты массы, не в силах будет состязаться с нею.

Стоит всмотреться в это явление: мы распознаем в нём одно из безобразнейших логических противоречий новейшей культуры, и всего безобразнее является оно именно там, где утвердились начала новейшего либерализма, именно там, где требуется для каждого учреждения санкция выбора, авторитет всенародной воли, где правление сосредоточивается в руках лиц, опирающихся на мнение большинства в собрании представителей народных.

От одного только журналиста, власть коего практически на всё простирается, не требуется никакой санкции. Никто не выбирает его, и никто не отверждает.

Газета становится авторитетом в государстве, и для этого единственного авторитета не требуется никакого признания.

Всякий, кто хочет, первый встречный может стать органом этой власти, представителем этого авторитета, и притом, вполне безответственным, как никакая иная власть в мире.

Это — так, без преувеличения: примеры живые налицо.

Мало ли было легкомысленных и бессовестных журналистов, по милости коих готовились революции, закипало раздражение до ненависти между сословиями и народами, переходившее в опустошительную войну.

Иной монарх за действия этого рода потерял бы престол свой; министр подвергся бы позору, уголовному преследованию и суду: но журналист выходит сух, как из воды, изо всей заведённой им смуты, изо всякого погрома и общественного бедствия, коего был причиною, выходит с торжеством, улыбаясь и бодро принимаясь снова за свою разрушительную работу.

Спустимся ниже. Судья, имея право карать нашу честь, лишать нас имущества и свободы, приемлет его от государства и должен продолжительным трудом и испытанием готовиться к своему званию.

Он связан строгим законом; всякие ошибки его и увлечения подлежат контролю высшей власти, и приговор его может быть изменён и исправлен.

А журналист имеет полнейшую возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественные права; может даже стеснить мою свободу, затруднив своими нападкамиили сделав невозможным для меня пребывание в известном месте.

Но эту судейскую власть надо мною сам он себе присвоил: ни от какого высшего авторитета он не приял этого звания, не доказал никаким испытанием, что он к нему приговорен, ничем не удостоверил личных качеств благонадёжности и беспристрастия, в суде своём надо мною не связан никакими формами процесса и не подлежит никакой апелляции в своём приговоре.

Правда, защитники печати утверждают, будто она сама излечивает наносимые ею раны; но ведь, всякому разумному понятно, что это — одно лишь праздное слово.

Нападки печати на частное лицо могут причинить ему вред неисправимый. Все возможные опровержения и объяснения не могут дать ему полного удовлетворения.

Не всякий из читателей, кому попала на глаза первая поносительная статья, прочтёт другую оправдательную или объяснительную, а при легкомыслии массы читателей, позорящее внушение или надругательство оставляют, во всяком случае, яд в мнении и расположении массы.

Судебное преследование за клевету, как известно, даёт плохую защиту, и процесс по поводу клеветы служит почти всегда средством не к обличению обидчика, но к новым оскорблениям обиженного; а притом, журналист имеет всегда тысячу средств уязвлять и тревожить частное лицо, не давая ему прямых поводов к возбуждению судебного преследования.

Итак, можно ли представить себе деспотизм, более насильственный, более безответственный, чем деспотизм печатного слова?

И не странно ли, не дико ли и безумно, что о поддержании и охранении именно этого деспотизма хлопочут всего более ожесточённые поборники свободы, вопиющие с озлоблением против всякого насилия, против всяких законных ограничений, против всякого стеснительного распоряжения установленной власти?

Невольно приходит на мысль вековечное слово об умниках, которые совсем обезумели от того, что возомнили себя мудрыми!

## II

В нашем веке распространения изобретений всего удивительнее быстрое распространение газетной литературы, ставшей, в короткое время, страшною действительною общественною силой.

Значение газеты возросло в первый раз после Июльской революции 1830 года, усугубилось ещё после революции 1848 года и затем, стало возрастать не годами только, но днями.

Ныне с этою силой считаются правительства, и стало даже невозможно представить себе не только общественную, но и частную жизнь без газеты, и прекращение выхода газет, если б возможно было бы представить его себе, было бы однозначно с прекращением всякого действия железных дорог.

Газета, несомненно, служит для человечества важнейшим орудием культуры.

Но, признавая всё удобство и пользу от распространения массы сведений и от обмена мыслей и мнений, путём газеты, нельзя не видеть и того вреда, который происходит для общества от безграничного распространения газеты, нельзя не признать, с чувством некоторого страха, что **в ежедневной печати скопляется какая-то роковая, таинственная, разлагающая сила**, нависшая над человечеством.

Каждый день, поутру, газета приносит нам кучу разнообразных новостей.

В этом множестве многое ли пригодно для жизни нашей и для нашего образовательного развития?

Многое ли способно поддерживать в душе нашей священный огонь одушевления на добро?

И напротив, сколько здесь такого, что льстит самым низменным нашим склонностям и побуждениям!

Могут сказать, что нам дают то, что требуется вкусом читателей, что отвечает на спрос.

Но, это возражение можно обернуть: спрос был бы не такой, если б не так ретиво было предложение.

Но, пускай бы ещё предлагались одни новости: нет, они предлагаются в особой форме, окрашенные особливим мнением, соединённые с безымянным, но очень решительным суждением.

Есть, конечно, серьёзные умы, руководящие газетой; таких немного; а газет — великое множество, и всякое утро некто, совсем незнаемый мною и, может быть, такой, какого я и знать не хотел бы, навязывает мне своё суждение, выдавая его авторитетно за голос общественного мнения.

Но, всего важнее то, что эта газета, обращаясь ежедневно даже не к известному кругу людей, но ко всему люду, умеющему лишь разбирать печатное, **предлагает каждому готовые суждения обо всём** и таким образом, мало-помалу, силою привычки, отучает своих читателей от желания и от всякого старания иметь своё собственное мнение.

Иной не имеет возможности сам себе составить его и воспринимает механически мнение своей газеты; иной и мог бы сам рассудить основательно, но ему некогда думать посреди дневной суеты и заботы, и ему удобно, что за него думает газета.

Очевидно, какой происходит от этого вред именно в наше время, когда повсюду действуют сильные течения тенденциозной мысли, и стремятся уравнивать всякие углы и отличия индивидуального мышления и свести их к единообразному уровню, так называемого, общественного мнения: в этих условиях газета служит сильнейшим орудием такого уравнивания, ослабляющего всякое самостоятельное развитие мысли, воли и характера.

А притом, для какого множества людей газета служит почти единственным источником образования, жалкого, мнимого образования, когда масса разных сведений и известий, приносимая газетой, принимается читателем за действительное знание, которым он, с самоуверенностью, вооружает себя.

Вот одна из причин, почему наше время так бедно цельными людьми, характерными деятелями.

Новейшая печать похожа на сказочного богатыря, который, написав на челе своём таинственные буквы — символ божественной истины, поражал всех своих противников дотоле, пока не явился бесстрашный боец, который стёр с чела его таинственные буквы.

На челе нашей печати написаны доселе знамёна общественного мнения, действующие неотразимо.

### III

В настоящем состоянии общества и при нынешнем его устройстве, печать стала учреждением, с которым необходимо считаться, и крепко считаться, в ряду других учреждений, связанных государственною властью и подлежащих контролю и ответственности, ибо нет учреждения, которое могло бы считать себя бесконтрольным и безответственным.

Но, чем дальше разрастается это учреждение печати, тем явственнее становятся, наряду с очевидными выгодами разумной и совестливой гласности, и те общественные язвы, которые им порождаются.

Одна из этих язв печати состоит в том, что она производит и плодит до безмерности целое сословие журналистов, предпринимателей и писателей, «кормящихся и богатеющих пером».

Самые серьёзные деятели серьёзной печати не перестают горько жаловаться на умножение числа этих собратий, с которыми стыдно, но приходится считаться в составе одного учреждения.

Во всех больших государствах, на всех больших рынках из этого сброда пишущей братии образовалось **сословие, которое не напрасно будет назвать паразитами общества**.

В самом деле, это — люди, стоящие на какой-то особой почве в отношении к благу общественному, которое должно бы связывать и одушевлять все учреждения.

Эти люди не заинтересованы прямо в охранении общественного порядка, в умиротворении мятущихся умов и враждующих партий. И естественно.

Всякая газета живёт и питается ежедневными событиями, новостями всякого рода.

Расход её усиливается именно в смутное время, и тут именно всё старание направлено к распространению новостей и слухов, раздражающих и смущающих умы; напротив того, в тихое время расход газеты значительно уменьшается.

Лишь только поднимается смута, тотчас появляются на рынке новые газеты, чтобы покормиться ею, до тихой поры, когда они сокращаются и исчезают.

Но и в тихое время надобно кормиться, а для этого требуется возбудить новое волнение умов, развести новые интересы: изобретаются сенсационные новости, раскрашиваются, преувеличиваются.

Пищу для журналов, претендующих на серьёзность, служит политика, и обсуждение политических вопросов, вспеняемых полемикой, происходит ежедневно.

Любой журналист готов сразу рассуждать о каком угодно политическом вопросе, но, по своему положению, обязан поставить и решить его немедленно, сейчас, ибо он должен быть борзописцем, слугою не мысли, не разума, но настоящего дня.

Едва вскочила в голове мысль его, как она уже летит на бумагу, на печатный станок: некогда ждать, некогда дать созреть зародившейся мысли.

Спросите этих людей, стыдно ли им? Нисколько.

Они разве посмеются в глаза на такой вопрос: они убеждены, что совершают великое служение общественное. Разве, кои поумнее, те, между собою, подобно древним авгурам, сами подсмеиваются над собой и над публикой.

Притом, журнальный писатель, для того чтоб его услышали, чтобы обратили на него внимание, должен всячески напрягать свой голос; если можно, кричать. Этого требует ремесло его: преувеличение, способное переходить в пафос, становится для него второю натурой.

Вот почему, пускаясь в полемику с противным мнением, он готов назвать своего противника дураком, подлецом, невеждою, взвалить на него всевозможные пороки: это ничего ему не стоит, это требуется журнальною акустикой.

Это — искусство крика, подобного крику торговца на рынке, когда он заманивает покупателя.

Вот, какие привычки и качества развивает, к несчастью, печать в своих деятелях. И всё это было бы смешно, когда бы не было так вредно.

Вредно потому, что печать стала ныне ареною, на которой не только обсуждаются, но и решаются важнейшие вопросы и внутренней и внешней политики государства, вопросы экономии и администрации, связанные с самыми жизненными национальными интересами.

Для всего этого мало одного задора; нужна мудрая рассудительность, зрелость мысли, нужен здравый смысл, нужно знание своей истории и своего народа, знание практической жизни.

А, между тем, ныне в Европе дошло уже до того, что из рядов журнальных ораторов выходят ораторы государственные и составляют в парламентах преобладающую силу, вместе с адвокатами, кои разделяют с ними искусство орудовать словом во всякую сторону.

Так, ныне во Французской камере лишь 22 представителя крупной и 50 мелкой поземельной собственности, но вся говорильная сила — у журналистов, коих 59, и у адвокатов, коих 107.

И эти люди считаются представителями страны своей и судьями народной жизни и её потребностей.

И народ стонет от законодательного смещения голосов, правящего судьбами государства, но не может от него освободиться.

### **Новая демократия**

Что такое свобода, из-за которой так волнуются умы в наше время, столько совершается безумных дел, столько говорится безумных речей, и народ так бедствует?

Свобода, в смысле демократическом, есть право власти политической, или, иначе сказать, право участвовать в правлении государством.

Это стремление всех и каждого к участию в правлении не находит себе до сих пор верного пути и твёрдых границ, но постоянно расширяется, и про него можно сказать, что сказано древним поэтом про водяную болезнь: «*crescit indulgens sibi*».

Расширяя своё основание, новейшая демократия ставит ближайшею себе целью всеобщую подачу голосов — вот роковое заблуждение, одно из самых поразительных в истории человечества.

Политическая власть, которой так страстно добивается демократия, раздробляется в этой форме на множество частиц, и достоянием каждого гражданина становится бесконечно малая доля этого права.

Что он с нею делает, куда употребит её?

В результате, несомненно оказывается, что в достижении этой цели демократия оболживила свою священную формулу свободы, нераздельно соединённой с равенством.

Оказывается, что с этим, по-видимому, уравновешенным распределением свободы между всеми и каждым, соединяется полнейшее нарушение равенства, или сущее неравенство.

Каждый голос, представляя собою ничтожный фрагмент силы, сам по себе ничего не значит: относительное значение может иметь только некоторое число, или группа голосов.

Происходит явление, подобное тому, что бывает в собрании безыменных или акционерных обществ.

Единицы, сами по себе, бессильны; но тот, кто сумеет прибрать к себе самое большое количество этих фрагментов силы, становится господином силы, следовательно, господином правления и решителем воли.

В чём же, спрашивается, действительное преимущество демократии перед другими формами правления?

Повсюду, кто оказывается сильнее, тот и становится господином правления: в одном случае — счастливый и решительный генерал, а в другом — монарх или администратор, с умением, ловкостью, с ясным планом действия, с непреклонною волей.

При демократическом образе правления, **правителями становятся ловкие подбиратели голосов**, с своими сторонниками, механики, искусно орудующие закулисными пружинами, которые приводят в движение кукол на арене демократических выборов.

Люди этого рода выступают с громкими речами о равенстве, но, в сущности, любой деспот или военный диктатор в таком же, как и они, отношении господства к гражданам, составляющим народ.

Расширение прав на участие в выборах демократия считает прогрессом, завоеванием свободы.

По демократической теории выходит, что, чем большее множество людей призывается к участию в политическом праве, тем более вероятность, что все воспользуются этим правом в интересах общего блага для всех, и для утверждения всеобщей свободы.

Опыт доказывает совсем противное.

История свидетельствует, что самые существенные, плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от **центральной воли государственных людей** или от **меньшинства, просветлённого высокою идеей и глубоким знанием**.

Напротив того, с расширением выборного начала, происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения в массе избирателей; что расширение это в больших государствах или вводилось с тайными целями сосредоточения власти, или само собою приводило к диктатуре.

Во Франции всеобщая подача голосов отменена была в конце прошлого столетия с прекращением террора; а после того восстанавливаема была дважды для того, чтобы утвердить на ней самовластие двух Наполеонов.

В Германии введение общей подачи голосов имело несомненную целью утвердить центральную власть знаменитого правителя, приобретшего себе великую популярность громадными успехами своей политики... Что будет после него, одному Богу известно.

Игра в собрание голосов под знаменем демократии составляет в наше время обыкновенное явление во всех почти европейских государствах и перед всеми, кажется, обнаружилась ложь её.

Однако, никто не смеет явно восстать против этой лжи.

Несчастный народ несёт тяготу, а газеты — глашатаи мнимого общественного мнения — заглушают вопль народный своим кликом: «Велика Артемида Ефесская!»

Но, для непредубеждённого ума ясно, что вся эта игра — ни что иное, как борьба и свалка партий и подтасовывание чисел и имён.

Голоса, — сами по себе, ничтожные единицы, — получают цену в руках ловких агентов.

Ценность их реализуется разными способами, и, прежде всего, подкупом, в самых разнообразных видах, от мелочных подачек деньгами и вещами до раздачи прибыльных мест в акцизе, финансовом управлении и в администрации.

Образуется, мало-помалу, целый контингент избирателей, привыкших жить продажей голосов своих или своей агентуры.

Доходит даже до того, как, например, во Франции, что серьёзные граждане, благоразумные и трудолюбивые, в громадном количестве, вовсе уклоняются от выборов, чувствуя совершенную невозможность бороться с шайкою политических агентов.

Наряду с подкупом, пускаются в ход насилия и угрозы, организуется выборный террор, посредством коего шайка проводит насильно своего кандидата: известны бурные картины выборных митингов, на коих пускается в ход оружие, и на поле битвы остаются убитые и раненые.

Организация партий и подкуп — вот два могучих средства, которые употребляются с таким успехом для орудования массами избирателей, имеющими голос в политической жизни.

Средства эти — не новые. Ещё Фукидид описывает резкими чертами действие этих средств в древних греческих республиках.

История Римской республики представляет поистине чудовищные примеры подкупа, составляющего обычное орудие партий на выборах.

Но в наше время изобретено ещё новое средство тасовать массы для политических целей и соединять множество людей в случайные союзы, возбуждая между ними мнимое согласие мнений.

Это средство, которое можно приравнять к политическому передёргиванию, состоит в искусстве быстрого и ловкого обобщения идей, составления фраз и формул, бросаемых в публику с крайнею самоуверенностью горячего убеждения, как последнее слово науки, как догмат политического учения, как характеристику событий, лиц и учреждений.

Считалось некогда, что уметь анализировать факты и выводить из них общее начало, свойственно немногим просвещённым людям и высоким мыслителям: ныне оно считается общим достоянием, и общие фразы политического содержания, под именем убеждений, стали, как бы, ходячею монетой, которую фабрикуют газеты и политические ораторы.

Способность быстро схватывать и принимать на веру общие выводы, под именем убеждений, распространилась в массе и стала заразительною, особливо между людьми недостаточно или поверхностно образованными, составляющими большинство повсюду.

Этою наклонностью массы пользуются с успехом политические деятели, пробивающиеся к власти: искусство делать обобщения служит для них самым подручным орудием.

Всякое обобщение происходит путём отвлечения: из множества фактов, одни, не идущие к делу, устраняются вовсе, а другие, подходящие, группируются, и из них выводится общая формула.

Очевидно, что всё достоинство, т.е., правдивость и верность этой формулы, зависит от того, насколько имеют решительной важности те факты, из коих она извлечена, и насколько ничтожны те факты, кои притом устранены, как неподходящие.

Быстрота и лёгкость, с которою делаются в наше время общие выводы, объясняется крайнею бесцеремонностью в этом процессе подбора подходящих фактов и их обобщения.

Отсюда — громадный успех политических ораторов и поразительное действие на массу общих фраз, в неё бросаемых.

Толпа быстро увлекается общими местами, облечёнными в громкие фразы, общими выводами и положениями, не помышляя о проверке их, которая для неё недоступна: так образуется единодушие в мнениях, единодушное мнимое, призрачное, но, тем не менее, дающее решительные результаты.

Это называется — глас народа, с прибавкою — глас Божий. Печальное и жалкое заблуждение!

Лёгкость увлечения общими местами, ведёт повсюду к крайней деморализации общественной мысли, к ослаблению политического смысла целой нации.

Нынешняя Франция представляет наглядный пример этого ослабления, но тою же болезнью заражается уже и Англия...

*Обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев.*

*Источник: [http://www.duel.ru/publish/magnum\\_books/ober.htm](http://www.duel.ru/publish/magnum_books/ober.htm)*

**«Советник»** — путеводитель по хорошим книгам.